

НАЙТИ СЕБЯ

В новый сборник Вениамина Ащеулова «Землепроходцы», изданный в этом году Ставропольским книжным издательством, почти не вошли стихи из прошлой книжки «Вы не плачьте, ивы», вышедшей в свет четыре года назад. Почти. Потому что для нескольких стихотворений, которые автор, очевидно, считает программными, сделано исключение. Среди них стихотворение «Ищи себя».

Ищи себя,—
мне говорят с пленок.
А где себя искать —
не говорят:
Или в краях не очень отдаленных,
Или в мирах, что звездами горят?
Я исходил почти что полпланеты
И недовольный поиском —
ропщу.

А что, если меня такого нету,
Которого неистово ищу?

В этих довольно шуточных строках скрыт серьезный вопрос. Понятно беспокойство о верности выбора судьбы и главного дела в жизни. Разве мало встречаем мы случаев, когда человек, считающий своим призванием, ну, скажем, поэзию, вдруг с горечью убеждается, что не под силу ему поэтические открытия, что не имеет он необходимого обеспечения талантом и вынужден довольствоваться перепевами чужих мотивов? Еще грустнее, когда стихотворец в духовной слепоте и самодовольстве не в силах осознать несоответствие между масштабом своих замыслов и уровнем их исполнения и видит причину своих неудач лишь в зависти и кознях собратьев по поэтическому цеху.

Вениамина Ащеулова в самоуспокоенности не обвинишь. Он ищет, он пробует себя в разных поэтических тональностях и формах, осваивает новые темы. Ставропольскому читателю он запомнился, как мне кажется, прежде всего своими военными стихами. Есть у него строки, о которых можно сказать, что они «как солдаты

стойкие в боевом строю». Их отличает натуральность чувств, сдержанное мужество, горячее патриотическое одушевление, индивидуальность, рожденная личными переживаниями.

В прошлом сборнике это «У блиндажа сидят разведчики», «Прифронтовая полоса», «У могилы неизвестного солдата». В нынешней книжке эта традиция, на мой взгляд, наиболее ярко выражена в стихотворении «Горят хлеба».

...А мы идем туда,
где канонада
Вздымает клубы пыли и золы.
Голодные, с горячей нивой рядом,
Браним нерасторопные тылы.
А на душе
— как тяжеленный камень
От скорбного призыва: «Помоги!»
Колосья
обожженными руками,
Склонясь, хватают нас
за сапоги.

Это стихотворение, бесспорно, одно из лучших в книге. В нем голос поэта своеобразен, взгляд пристален, чувства искренни и высоки. Именно оно, убедительно говорящее о творческих возможностях Вениамина Ащеулова, должно было бы словно камертон определять чистоту звучания сборника. Если подходить к книге с такой меркой, то надо отметить и такие стихотворения, как «Ротная душа», «Баллада о музыкантском взводе», «Солдатские сны». Пусть есть явные поэтические длинноты в стихах, посвященных незатейливым фронтовым музыкантам с их прекрасной и драматической судьбой, но все это автор почувствовал и увидел так, как мог, и опыт личных впечатлений выплавился в искренние строки, трогательные своей суровой простотой.

Жаль, про тех ребят

Песнь не сложена.
Лишь кусты шумят
Придорожные.
Да большак пылит
От полка окрест,
Да всю гремит
Полковой оркестр!

Особую убедительность стихам придает народная интонация, уверенно вплетающаяся в их поэтическую ткань. И надо сказать, что это не случайно. Верный своему девизу «Искать себя», Вениамин Ащеулов неоднократно пробует свои силы в народном стиле.

Он не первый идет по этому пути. На многовековую культуру русского народного творчества стремятся опереться многие поэты. Но далеко не для всех эта народная культура становится подлинным бытием,— органической частью их творческой личности и судьбы. Подчас это лишь легонькая стилизация, маска, взятая на прокат.

К сожалению, «Преклонение» — стихотворение, посвященное Святославу, свидетельствует именно об этом печальном обстоятельстве. Есть здесь древнерусская и фольклорная лексика — «вой», «лодии», «стынь-роса» ощущаются и столь модное сейчас внимание к далекому прошлому Руси, и некоторая осведомленность автора в вопросах истории.

А стихи получились рассудочные и претенциозные, словно бы автор просто спешил отдать непременно дань тому, о чем сейчас все пишут. Судите сами.

Гулких бил мелодии
На ветру,
Уплывают лодии
По Днепру,
От злат-Киев-города
На врага.
От печали горбятся
Берега...
...Как под ветром клены,
Млад и сед,

Смотрят преклоненные
Лодьям вслед.

Уже первая строка заставляет мучительно напрягать мысль. Что такое «гулкие билы» и могут ли у них быть мелодии?

Но не это даже главное. Автор, опьяненный созданной им трогательной картиной всеобщей грусти и слез по поводу похода русских воинов, совершенно упускает из виду, что никогда русский народ не провожал своих воинов в поход со слезами и стоя на коленях. Даже в часы самых великих испытаний он верил в победу и вселял эту веру, это суровое мужество в своих сыновей, а не оплакивал их.

Вот так неосмысленная, не осознанная до конца тема подвела стихотворца.

Поэт не имеет права приблизительно знать то, о чем пишет. В этом стихотворении есть строки: «Была в бою подобна льву дружина Святослава». Сравнение дружины со львом само по себе вряд ли можно назвать удачным. А уж с точки зрения исторической оно никак не оправдано, учитывая, что древние летописцы самого Святослава за его храбрость сравнивали с барсом, и факт этот общеизвестен.

В стихотворении «Землепроходцы» автор снова досадно неточен (или небрежен?).

И все ж, в душе
переборов тревогу,
С мольбой
«Во имя сына и
отца»
Кидались бесшабашно
в путь-дорогу
Землепроходцы — русские
сердца.

Мало того, что молитва и мольба суть вещи совершенно разные, в угоду рифме здесь неверно цитируется и сама эта молитва.

Если поиск нового не диктуется внутренней убежденностью, то стихотворца подстерегает опасность очутиться во власти заурядных банальностей. И тогда истинное глубокое содержание подменяется его многозначительной видимостью, а в качестве избранных средств выступают обкатанные риторические приемы.

...Не потому ль, когда гроза
Гремит и долу гнет березы
Мы вдаль глядим во все глаза,
Едва удерживая слезы...

А следом, уже в другом стихотворении:

Не потому ли из немых
пучин
Взлетают чайками
морские души...

В конце концов автору надоедает задавать риторические вопросы и тогда он заранее подводит унылый итог тому, что пишет дальше:

Все, как в прочитанном
романе...
Мы двое в комнате в грозу.
Тяну платок я из кармана,
Чтоб утереть твою слезу... и т.

д.

Список недостатков сборника можно продолжать. Здесь и холодная помпезность «У подножия Машука», никак не отражающая всю сложность нашего отношения к Лермонтову, и кочующие из стихотворения в стихотворение соловьи, и подражательные «Стихи о комиссаре», которым далеко доставшего уже хрестоматийным образа, созданного Александром Межировым.

Я сравниваю новый сборник Вениамина Ащеулова с предыдущим, и мне кажется, что в «Землепроходцах» утрачено кое-что из того, чем поэт должен был дорожить. Ведь поиск — это не только формалистические

упражнения и беглый обзор необозримого разнообразия тем. Это прежде всего разработка собственной, уже открытой тобой поэтической жилы, попытка осмыслить по-новому с нынешних временных рубежей волнующие темы войны и подвига, долга и патриотизма.

А если стихотворца влекут иные, неведомые дали? Если мысль его устремляется к актуальным проблемам современности?

Разумеется, одно не исключает другого. Но за какие бы темы поэт ни брался, требования к поэзии остаются те же. Впрочем, их когда-то неплохо сформулировал сам Вениамин Ащеулов:

Строчку не задушат
Годы-времена,
Коль прошла сквозь душу,
Коль в крови она.
Коль, идя сквозь вьюгу,
С ложью бой вела,
Коль в несчастье другу
Руку подала.

Мне думается, именно с этих позиций должен относиться Ащеулов к своему дальнейшему творчеству.

И. ПИРОГОВА

